

Я.В. Чеснов

Биотехнологический кластер: архетип тела, архетип пищи и обряды бессмертия

Мысле-образы тела

Философская антропология оказалась способной увидеть исторические смыслы в функциональной повседневности человеческого поведения. Она потому и антропология, что философское учение не отрывает от фактов. Среди таких антропологических фактов главенствующее место занимают те, которых можно отнести к биотехнологии. К древнейшему биотехнологическому кластеру принадлежат твердый архетип тела, твердый архетип пищи и «твердое» бессмертное время. Названные три позиции образуют смысловой треугольник. В известных с древности обрядах бессмертия прорабатывалась идея конкретной бесконечности времени. Тело сводилось к вертикальной позиции, которая модифицировалась приемами пищи: от ритуальной эскимосской еды лежа до древнегреческого симпозиона это делали в горизонтальной позиции. Европейцы еще не так давно, насытившись, хлопали себя по животу. Наши коллективные трапезы за общим столом – это тоже остатки горизонтального приема пищи.

Все вместе отнюдь не эмпирическая картина, а антропологическая реконструкция изначального биотехнологического кластера, работавшего то в виде биомифа, то биовласти, но всегда принудительно. Вертикальность тела и горизонтальность пищи, лежащие на основании треугольника, создают свои мысле-образы, которые ведут то яростную агональную борьбу, то толерантно уступают место друг другу. Есть стоя или на ходу еще недавно было крайним неприличием, а водку без стакана не пили самые запущенные алкоголики. Столовые приборы, скатерть – горизонтальные про-

странства пищи. Горизонтальные пищевые манеры обоснованы без учета статусности вертикального положения тела человека. Эти манеры выстроены обособленно от других в своей линейной логике, которая нацелена в бесконечность. Для человека это ипостась бессмертия. Вот почему «хорошие манеры» от папуасских до виндзорских начинаются с правил приема пищи.

В отношении нашего тела, такого привычного и обыкновенного, всё еще нет строгой философской позиции – уж очень определенным и ограниченно ясным наше тело представляется нам на первый взгляд. Работы последнего времени, посвященные биоэтике¹ и био-власти², движутся к философской сути обращения с телом как с самостоятельным агентом жизни.

Однако тело лукаво: у него есть свой выразительный язык, «язык тела», которым оно нас описывает. Своим условным языком оно ставит нас в зависимость от себя.

Как выясняется ниже, помимо такого языка телу дан от земли и произрастаний на ней, от животных другой язык, который назовем *витальным*. В синергичных связях с внешним миром эта витальность представлена исторически меняющимися онтологиями, на основе которых те или иные мысле-образы тела ведут друг с другом борьбу. Получается в итоге, что онтологии тела виртуальны и что они завязаны на целевых экзистенциальных представлениях о жизни, смерти и бессмертии.

Идеи бессмертия лучше всего темпорализируют ландшафт, делая его рефлексивно одомашненной средой. Есть цивилизации, которые не справились с этой задачей и они остались, как мезоамериканские, в плену химерических обрядов. Но даже сквозь такие кровавые обряды история одомашнения растений и животных прокладывала свой путь.

Более подробно мы рассмотрим некоторые реалии, мифы и ритуалы из витального языка тела, которые можно в целом назвать «обрядами бессмертия». Каковыми бы ни были эти обряды, их суть сводится к констатации большого человеческого времени, которое дало простор решению задач планетарного масштаба – одомашнению растений и животных.

Обычное наше тело явлено и потаенно одновременно. Его образы зависят от антропологических доминант состояний души. Нет-нет, да выскакивает, иногда даже неуместно, тот или иной знак

его присутствия в каком-то нашем движении или высказывании. Кто-то чихнул – в нашей культуре люди говорят: «Будь здоров!». Почему? В других – «Оставайся с нами!». А ведь все это исходит из интенции подобных действий на вечность, на бессмертие. Самый серьёзный обряд – когда произносится «Вечная память». В нем тоже говорится о бессмертии.

Во всех приведенных примерах ритуальная юрисдикция бессмертия сосредоточена в коллективе. Поясним еще это заключение. Так, образы тела гендерно различны. Всяческая твёрдость – черта мужчины, гибкость – женщины. Но тело в целом может быть наделено противоположными предикатами сразу. Мы стремимся иметь холодный ум и пылкое сердце, быть хладнокровными и с горячей кровью одновременно. Образы тела агонально (соревновательно) взаимодействуют друг с другом, давая людям мотивационные послылы, четко осознаваемые или нет. В последнем случае в виде поведенческих стереотипов, относящихся к телу, эти мысле-образы, несмотря на мифологические оболочки, всё равно демонстрируют одну истину – принадлежа коллективу, человек не очень-то боится смерти.

Он ведет себя соответственно, будучи защищен странными ритуалами, смысл которых можно понять, если только исходить из того, что человек бессмертен. Эти последние поведенческие акты, лишь иногда выступающие как предписанные обряды бессмертия, привлекают наше теперешнее внимание, ибо в них обнаруживается одна из основных антропологических экзистенций – коллективная установка на бессмертие.

Утрата пищи бессмертия

Что касается сложившихся мифов о потере бессмертия, то они, конечно, трагичны. Согласно древнегреческому мифу о Прометее, этот титан дал людям благо огня для согревания и приготовления пищи. Но люди в результате утратили бессмертие. В тех же мифах говорится и о том, что золотой век для людей был при Кроне – люди тогда не старели³. Это были титаны, сыновья земли. Сизиф, титанический человек, побывавший в царстве мертвых и оттуда

вернувшийся, наказан тем, что должен вечно катить в гору камень. Итак, земля-Гея и камень ассоциативно связаны с бессмертием. А грех Сизифа в том, что он прикоснулся к бессмертию.

Мотив камня-бессмертия и связь смерти с растительной пищей мерцает и в мифах Юго-Восточной Азии: в Индонезии, во Вьетнаме. Там причиной смерти называют то, что люди на предложение богов избрать пищей камень или плоды (банан) предпочли последние. Интересно, что при всем мифологизме данных сюжетов архетипично детской пищей остается пища твердая: орехи, твердый сыр у скотоводов, конфеты⁴. С утратой каменной (явно, что невареной) пищи и последующей смертностью в мифах тибето-бирманских, мон-кхмерских, малайских и других народов Юго-Восточной Азии согласуется представление о происхождении людей из камня⁵. Это общечеловеческая универсалия. И в западной натурфилософии плоть человека исконно земная: Адам из земли, первые люди из камней у древних греков. Вследствие этого потеря бессмертия связывается с вареной (на огне) пищей (в мифе о Прометее). Легенды о философском камне, дающем золото и бессмертие, покоятся на прочном архетипическом основании. Порох был изобретен китайцами в поисках именно эликсира бессмертия.

Если растительная пища выглядит универсальной причиной смертности человека, то интрига его бессмертия может быть перенесена на состав тела человека. Подчеркнем, что оппозиция «каменное (земное) тело – растительная пища» – это два мысле-образа, соревновательно представленные в любой культуре. Иначе говоря, каменное тело может в некоторых жанрах уступать место растительному. Например, растительные метафоры тела в русском лирическом фольклоре, но при земной субстанции в мифе о творении и в заговорах: «Тело моё земля, кровь моя черна»⁶.

Сделаем вывод: жизнь людям представляется изначально бессмертной, но сокращенной в силу утраты этого качества в результате ошибочной инверсии каменной субстанции пищи на растительную.

Бессмертие в незнании смерти

К мифам о потере бессмертия можно было бы отнести как к плодам поэтической фантазии, если бы сюжеты о каменной или растительной плоти не несли в себе в скрытом виде установки на долголетие или недолголетие. Есть религиозно-мифологические системы, где источником жизни мыслится материализованная в камне субстанция, как у некоторых народов Индии, почитающих каменные изображения фаллоса (лингам), или у финно-угров, культово относящихся к камням. Финский эпос «Калевала» весь построен вокруг добычи волшебной каменной мельницы Сампо, каменного источника пищи. Подобная натурфилософия ставит приоритетом приобретаемый или конечный ресурс жизни. Эта установка оказалась крайне опасной для малых народов нашего Севера: нарушение экологии и смена образа жизни на них действует разрушительно.

Противоположное представление о каменном (минеральном) начале человеческой плоти соответствует установке на долголетие через интенцию к бесконечности, т. е. к бессмертию.

Проблема бессмертия с древности подвергалась размышлению о ней, что отразилось в устных памятниках культуры, шедеврах эстетического и философского творчества. Мифы о происхождении смерти и героический эпос о трагической судьбе, безусловно, надо отнести к числу базовых тем, породивших развитые философские идеи человечества. Их подоснова не просто представление о первоначальном бессмертии и утрате его. Этой философской посылкой выступает поведение героев как бессмертных и потеря бессмертия в результате чьих-то козней или по ошибке. Гильгамеш, герой философского эпоса шумеров, восходящего к 3 тыс. до н. э., после странствий и подвигов, после гибели своего друга Энкиду ищет цветок бессмертия. Он, оказывается, находится на дне моря.

Отметим возникновение этого эпоса в ареале мифологемы каменного (земного) тела при растительном носителе бессмертия. Гильгамеш сделал шаг в культуру: он гордится кирпичной («каменной») крепостной стеной своего города, но растительный источник его бессмертия оказался иллюзорным.

Сразу обратим внимание на противоположность холодной морской стихии огню Прометея, повлекшего за собой смерть. Бессмертие прячется в водной стихии. Но растение бессмертия у Гильгамеша похищает змея и сама становится бессмертной.

Миф о Гильгамеше свидетельствует о том, что в результате проблематизации смерти был найден источник если не бессмертия, то лекарства – знание о растении, где оно сосредоточено. Это было событием для древней натурфилософии, и оно имело место в культурах с длительными традициями философской рефлексии.

В современных культурах с установкой на долголетие мотив знания или незнания в объяснении появления смерти фигурирует постоянно. Вот вариант, подчеркивающий роль как раз незнания сроков жизни. В 1982 г. в Абхазии, в краю долгожителей, мне довелось услышать такую мифологическую историю. Один крестьянин вбивал в землю колья для забора. При этом он заострил помимо нижних также и верхние концы кольев. Бог спросил, зачем он это сделал. Оказалось, что человек рассчитывал колья перевернуть, когда сгниют нижние концы, т. е. он рассчитывал жить бесконечно долго. Бог сократил срок жизни до теперешнего. Сюжет о заборе и сроке жизни известен также в Балтии. У латышей была записана такая версия. Прежде человеку было известно, когда ему умирать. Из-за этого он ни о чем не заботился при приближении кончины. В такой ситуации один человек стал делать забор из соломы. «Зачем, всё равно через три дня умру». Бог разгневался и порешил, что люди не будут знать о сроке смерти⁷.

Добровольная смерть и бессмертие у животных

В приведенных примерах знание выступает в странной роли ошибки и ведет к тому же печальному результату. Ошибкой оказалась и доверчивость Гильгамеша, в результате которой бессмертие оказалось у змеи. В Китае бессмертию стал сопричастен заяц. Волшебник однажды приготовил эликсир бессмертия и ушел по делам. Его жена Чан Э использовала эликсир для стирки, а когда вылила его, то заяц лизнул этих капель. Чан Э и заяц стали бессмертными. Это их мы видим сидящими на Луне.

Идея тут такая – бессмертием обладают, прежде всего, животные, в приведенных случаях змея и заяц. В мифологиях охотничьих народов звери сами по себе бессмертны. В 1930-х годах нивхи (народ на Амуре) пришли в изумление от того, что им один исследователь высказал мысль, что звери в тайге умирают от старости. Они считали, что смерть может быть только насильственной. Следовательно, отличие человека от животных в том, что он смертен. Отсюда идея почетности смерти. Так это было когда-то у чукчей, где старый человек просил какого-то любимого мужчину (чаще племянника) его убить и тот направлял копьё в желающего смерти, находясь вне жилища. У некоторых других народов подобная смерть считалась благом, как у древних насельников Индии бхиллов, мунда и дравидов. Здесь все та же идея: человек бессмертен, только особые обстоятельства вызывают его кончину.

В других народных философских системах концентрация жизненной силы в человечестве за счет уменьшения её в животном мире ведет к появлению представлений о злоумышленниках колдунах и ведьмах, присваивающих себе чужую долю жизни. Отсюда поверья в магических злодеев, хорошо известные и в славянском мире⁸.

Идея перераспределения жизни или бессмертия явно восходит к древнему охотничьему быту, породившего культ камней, как у финно-угров. Отсюда следует, что следы сохранения в человеке каменной или земной плоти (минерализм) может вскрыть уставку на бессмертие. Обращение к ритуально мифологическим данным подтверждает, что это именно так.

Стигматы бессмертия: шрам Одиссея и «драконья походка»

20 лет тому назад у кабардинцев я записал идеал достойной жизни воина-аристократа: в старину он должен был рано, годам к 25, погибнуть в бою. Для феодально-аристократического общества Кабарды эпохи Кавказской войны это было почти естественным. Но почему одна старушка рождения начала XX в. мне сказала, что её покойный муж не был «настоящим мужчиной», ибо на теле его не было ни одного шрама? За эмпирической ситуацией почувствова-

лось нечто более глубокое – особое отношение к мужскому телу, которое должно иметь ранения, быть «поврежденным» в отличие от цельного тела женщины.

Подобные представления неоднократно обращали на себя внимание при изучении взглядов на жизнь и смерть у народов Кавказа. Если иметь ввиду генетическое родство кавказских культур с древнегреческой, то сходства концепций человеческого тела в обоих случаях не должны показаться странными. Достаточно привести эпизод с прибытием домой на Итаку царя Одиссея в образе нищего. Его узнаёт по шраму на бедре, полученному в результате охоты на дикого вепря, старая его кормилица Еврикля (Одиссея. Песнь XIX). Значимость этого ранения в бедро для образа царя-странника отмечена и в латинском имени Одиссея, где «Улисс», или «Уликс» ведут от слов «рана» и «бедро»⁹.

Здесь мы напомним библейский эпизод о борьбе Иакова с Богом, который коснулся бедра его и Иаков охромел (Бытие 32:24-32), а потом установим, что общего между названными персонажами, ранеными в бедро. Общее в том, что они становятся узанными в особых, экстремально опасных ситуациях: на грани жизни и смерти. Их узнаваемость по ранению в бедро открывает им путь к жизни. В древнем Китае существовала ритуальная походка с подволакиванием одной ноги, она называлась «драконьей». Так шли для маркировки границы с инопространством (миром духов). В 1986 г. мне удалось записать в Южной Осетии рассказ очевидца такой же походки в ритуально значимом месте: около одного из святилищ так стала идти мать моего собеседника. Когда они миновали святилище, она вернулась в обычной походке. На вопрос её 10-летнего сына «Зачем ты так сделала?», женщина ответила, что «так надо». Специфическая походка на короткое время соприкасалась человека с бессмертием.

В мировом религиозном фольклоре есть сюжет, специалистами называемый «Одноногие боги». Этот сюжет существовал уже в неолите. Такие боги изображены, например, на писаницах около Белого моря. Значит, человек, отмеченный хромотой на одну ногу, становится подобен неумиряющему духовному хтоническому (подземному) существу – вот смысл описанных обрядов.

Почему способ ходьбы полагается связанным с рубежом жизни и смерти? Потому что в человеческом восприятии ранних эпох ходьба основное проявление жизни. Это мышление отражено в

древнем китайском иероглифе, обозначающем человека (жень): это ноги, раздвинутые в ходьбе. А что касается иероглифа дао («путь»), важнейшего китайского иероглифа для сути жизнедеятельности, то он образован знаком «движение», «идти», «ступать», заключающем в себе знак «голова»¹⁰. Воспринимать всё приходящим и идущим – это, по-видимому, отличительная черта разных языковых систем Тихоокеанской зоны. Так, выдающийся лингвист и этнограф Р.Кодрингтон писал об архаических меланезийских языках, что любое наречие места и направления типа «вверх» и «вниз», «сюда» и «туда», «к морю» и «к суше» выражаются понятием ходьбы¹¹.

Примечательны мифы американских индейцев о спасении юноши, бежавшего от врагов. Он призывал свои ноги бежать быстрее, иначе враги его настигнут и снимут с головы его скальп. А они отвечали, что в его прежней беззаботной жизни он больше ухаживал за волосами головы, чем за ними. Дискуссия кончилась тем, что ноги в обмен на обещание ухаживать за ними побежали быстрее и юноша спасся. Племя, пошедшее от того юноши, внимательно относится к ногам. Эти сюжеты просто могут служить иллюстрацией к смыслу китайского иероглифа «дао». Но об удивительной синонимии ног и головы мы поговорим дальше.

Огонь и холод, женская и мужская души

Странные тихоокеанские отзвуки мы обнаруживаем на Кавказе. До указания на них сначала отметим, что западное восприятие души как принципа дыхания четко выражено в семитских, индоевропейских и других языках. Отечественный знаток языков Кавказа Н.Ф.Яковлев отметил, что в языке адыгов (черкесов, адыгейцев и кабардинцев) слово *нсэ* («душа») имеет коннотацию «способность к движению у живых существ»¹². Абхазский эквивалент *нса* является омофоном «воды». Представление о душе как воде свойственно абхазо-адыгским и некоторым другим языкам Кавказа. Так, у кабардинцев мне удалось зафиксировать выражение, что «душа мужчины подобна чаше с холодной водой» (запись в 1985 г.). Поэтому, дескать, он легко умирает. Женская душа на Кавказе мыслится энергетическим носителем теплоты. В 1992 г. в Балкарии мы с

аспирантом Б.Кучмезовым поселились у одной старушки. На первом чаепитии он мне сказал: «Посмотрите, как вы ей понравились: она долго кипятит чайник!».

Женщина причастна к управлению огнем. Это не только бытовая кулинарная истина, дело сложнее. Огонь сопровождает критические моменты жизнедеятельности женщины: свадьбу и роды. В Древнем Риме невесту вели в дом жениха в сумерках. Впереди процессии двигался мальчик с факелом. Прялку и веретено как символы домовитости несли за невестой. Роль факела (из смолистого дерева) была столь велика, что свадьбу иносказательно называли «факелом» (taeda)¹³. В Дагестане обычай нести перед невестой факел сохранялся до самых недавних пор. Что касается родильного огня, это мировая универсалия – он служит не для согревания рожениц, ибо устраивается и в самых жарких странах. Факел – это сама вечная родильная сила женщины. Эту витальную силу искал со своим факелом циник Диоген.

Ахиллесова пята

Вернемся снова к обряду бессмертия. В сущности, он лежит в основе одной из главных интриг Илиады – стремления сообщить бессмертие Ахиллу его матерью Фетидой¹⁴. Она была бессмертной nereидой, богиней морской воды. Из-за того, что Зевс узнал, что если от Фетиды от него родится сын, то он будет могущественнее его самого. Тогда боги решили отдать её замуж за смертного. И тут разворачивается целый клубок архетипических сюжетов, всплывающих вместе с Фетидой из глубин моря. Она одновременно оказывается каракатицей, обмазавшей своими чернилами смертного Пелея (имя означает «грязный»). В конце концов она стала женой Пелея и родила ему сына Ахилла. Старших сыновей она сумела сделать бессмертными, закаливая их в огне и натирая после амброзией. А вот в тот момент, когда она погружала Ахилла в жар огня, Пелей успел выхватить ребенка. Фетида удалилась в море. А у Ахилла без воздействия амброзии оказалась только почерневшая лодыжка. Отец сделал ему новую из скелета быстроногого гиганта. Но в ней осталась смертная природа Ахилла, и он в конце концов погиб.

Смерть от удара в пятку или в лодыжку – судьба не только Ахилла. Так умирали герои во многих египетских, индийских, малоазиатских, кельтских и скандинавских эпосах¹⁵. В русском медицинском фольклоре пята – это уязвимое место, опасное для жизни. Особенно при укусе змеи, «которая стремится ужалить в пятку»¹⁶. И при обычных заболеваниях пятка – важное место процедур исцеления. Примечательно, что при детских болезнях (полуночица) местом целительского воздействия являются пятки¹⁷. В родильной обрядности мать касанием своей пятой новорожденного закрепляет в нем его жизненную силу¹⁸. Этот восточнославянский материал, возможно, объясняет одну абхазскую молитву, обращенную к «золотым ступням Бога» – начало жизни маркировано ногами. О начале жизни говорится и в чеченской колыбельной песенке, мной записанной в середине 1980-х гг.: «Ножка, ножка, ты вся обгажена; я возьму траву и тебя вытру».

Эта странная материнская песня говорит об удалении влажной субстанции. Но теперь нам становится понятным, почему в севернорусском обряде изгнания полуночицы ребенка прикладывали пятками к печенному столбу, «чтобы отпечатки на нем были» и говорили заклинание¹⁹. Воздействие огня удаляет болезнь, угрозу жизни, приобщает к бессмертию.

Космические катастрофы и брачно-родильные обряды

А теперь мы можем снова обратиться к истории с Фетидой и её сыном Ахиллом и установить несколько закономерностей в её действиях.

1. Обращение nereиды с сыном, подверженным воздействию огня, соответствует структуре родильной деятельности, где моделируется космогонический процесс подавления огня влагой: огонь зажигают у постели роженицы в ожидании освобождения её утробных вод. Родильный огонь «гибнет».

2. После родов ребенок должен быть освобожден от влаги огнем или по крайней мере вытерт насухо – в этом случае «гибнет» влага.

3. Катастрофа с космической стихией обеспечивает жизнь человека, которая должна быть в таком случае соразмерной с космосом. Но каким?

4. Такой вечной космической субстанцией выступает земля.

Для более подробного рассмотрения этого последнего пункта нам нужно обратить внимание на антропологическую доминанту сознания тела – оно воспринимается как твёрдое. В нашем ближайшем окружении есть люди, стучащие «по дереву», «чтобы не сглазить». Люди носят украшения на теле из твердых материалов. Это актуализация предикатной твердости тела. Во многих культурах родившийся человек еще не твёрдый (абхазское *апшкя* – мягкий). С возрастом его тело «твердеет». У народов Кавказа считается, что родничок на темени ребенка зарастает к тому времени, когда он может сказать слово «камень». В восточнославянской лечебной магии выздоровлению должны способствовать предметы из стали («твердой»). Это аналог «магическому кварцу», который в тело больного внедряет австралийский шаман. Звук издается твердыми предметами. Поэтому в старом Китае дети носили колокольчики от сглаза.

Твердое тело – тяжелое. Философскому анализу тяжесть тела была подвергнута в дискуссии В.А.Подороги с Ж.-Л.Нанси. Дело в том, что тяжелое тело протяженное²⁰. Оно объемно и с ним можно манипулировать. В простонародном языке беременную женщину называют «тяжелой». Собственно, та же этимология и в литературно принятом слове. Чтобы невеста стала такой, её носят на руках. В восточнославянском обряде её везут обязательно в санях или в телеге (как груз), даже если дом жениха рядом, через порог переносят на руках. На руках невесту вносили в дом ещё в Древнем Риме²¹.

Как и все предикаты тела, твердость и тяжесть исходно «женские». Вторичным образом они маркируют важные переходные состояния мужчины. На возрастных инициациях мальчиков кое-где их несут. В чеченском эпосе жена сама снимает из седла мужа-героя. Триумфаторов и по сию полу подбрасывают.

Тяжелое твердое тело маркирует землю отпечатками, следами. Повсюду в обычном мире узнают духов по тому, что их ноги не касаются земли. А вот чтобы быть в здоровом витальном теле, надо уметь танцевать, в некоторых танцах с обязательным притоптыванием. Изначально такое притоптывание было реальным тиснением отпечатков ног на почве. Инициации палеолитических юношей состояли в том, что они ритуально ходили на пятках – глиняный пол некоторых пещер во Франко-Кантабрийской области на гра-

нице Испании и Франции оставил следы мальчиков лет 15²². Суть инициации во временном умирании и воскрешении. Ходившие на пятках по логике переходного обряда инициации были ритуально мертвы. И эта символика пятки досталась Ахиллу, Пелееву сыну. Троянская война была обрядом инициации Ахилла. Он живой мертвый и как последний он бессмертен. Только его бессмертие временно. Еще лучше сказать – виртуально.

В Библии во многих местах говорится о посыпании головы пеплом в знак скорби и отчаяния²³. Авраам вообще о себе сказал: «Я прах и пепел» (Быт. 18, 27). Этим подчеркивается земная бессмертная природа человека. Клятва – обращение в вечности. Поэтому русские крестьяне еще в XIX в. при установке межи на поле во время клятвы держали на голове кусок земли. О подобной клятве казаков можно прочесть у Гоголя в «Тарасе Бульба». Обряды с пеплом и землей – обряды виртуального бессмертия, приобщения к минералогизму, к изначально «каменной» пище.

От головы Орфея к лицу и личности

Ноги вообще маркируют состояние переходности и асоциальности. Гнев Ахилла принес грекам много бедствий. Асоциально состояние Одиссея, прибывшего домой в образе нищего. Асоциальны поступки Эдипа. Зато эти герои мужественны и витальны. Но и мы тоже неосознанно витальны, когда колени направляем в сторону понравившегося человека. О роли ног в уходе за телом говорит масса популярных ныне изданий о языке тела. Великие эпические произведения древности превратились в пособия в мягких переплетах о человеческой коммуникации.

Еще один вопрос остается осветить в самом конце темы – перенос телесной символика от ног к голове. В архаике Древней Греции рост человека измерялся ступнями, в зрелой античности высотой лица (в обоих случаях число должно быть равно 9). О.М.Фрейденберг отметила, что роль головы в оргиастических обрядах (сюжеты с вакханками, с плывущей головой Орфея) восходит к символическому плоду, органа растительной производительности²⁴. Судя по мифам о головах Медузы Горгоны, голова оказывается носителем женской символика в отличие от мужской симво-

лики ног. Это, впрочем, мировая универсалия: такова символика головы в Юго-Восточной Азии, как и женская родильная символика плодов²⁵. Что касается античности, то выработка символики головы, лица, зрения – это момент в целой эпохе перехода от маршрутного мужского и охотничьего пространства к концентрическому женскому и земледельческому. В Греции, как, впрочем, и повсюду, этот переход шел с запаздыванием. Культы Диониса с огромной ролью в них женщин, винограда и прочих плодов расцвели к концу античности.

Тут уже перед нами столкновение каменно-бессмертной субстанции с растительно-смертной. Торжество последней, конечно, можно рассматривать как идеологическое завершение неолитической революции, начавшейся много тысячелетий назад. Но в греческой мифологии нас сейчас волнует, что в сюжет с пятой Ахилла влита идея судьбы не в смысле её неизбежности, но вытекания из неё самой, из данного положения дел. Этот аспект учения о судьбе в своё время был отмечен А.Ф.Лосевым в работе о Гомере²⁶.

Если пята Ахилла так много значила для его судьбы, то можно представить, как расширилось понимание судьбы человека после актуализации лица и личности. То, что личность есть нечто, выходящее за пределы конкретной жизни человека, сомневаться не приходится. Удивительно только, что путь к пониманию лица человека как его некой сущностной части начался вместе с историей человечества, о чем свидетельствует, например, древность истории маски²⁷. Лицо и личность человека не просто помещают его в онтологическую среду бессмертия, но и возносят над стихийно-катастрофическим началом в человеке. Те или иные усилия людей направлены на способы фиксации этой ситуации.

И в чем последняя суть странной идеи бессмертия?

О минералогизме в связи с проблемой первопищи мы уже говорили не раз. Эта идея будет оставаться довольно странной до тех пор, пока мы не увяжем ее с первобытным представлением о зачатии как о внедрении в утробу женщины твердой субстанции. Такое представление – основной исторический фонд мировых эмбриональных концепций. Вне его находятся редкостные и явно

софистицированные концепции о рождении ребенка от плода или животного (Будда в первом случае, сказочные персонажи чаще во втором). Обнаруживается ограничение избыточно большого потенциала возможных физикалистских идей зачатия, сведение их к минеральному монопринципу. Утрата его в пищевом рационе расценивается как утрата человечеством бессмертия. Связь обоих витальных принципов очевидна. Она подтверждается древними языковыми соответствиями.

Это не просто наследие каменного века, когда потенциал камня создавал всеобщую парадигму для структурирования Вселенной. Это так, но слишком общо выражено. В данном случае перед нами специфический потенциал камня, заключающийся в его физической прочности. Она стала основой рефлексивно необходимой континуальности. Эта континуальность играет роль всеобщего абстрактного табло, служащего предельной рамкой для восходящей ветви мысли²⁸. Нисходящая ветвь морфемно обогащается и наделяет предмет конкретными признаками. Этот способ мышления был нащупан М.К.Мамардашвили и применен мною к этнологическим реалиям мышления.

Рассмотренный материал убеждает в том, что континуальность как бессмертие была использована одновременно с минералогической континуальностью камня, что косвенно свидетельствует о синхронности не только рефлексии и орудийной деятельности, но и об одновременности метафизических, религиозных представлений о начале и конце жизни. Парадигмы такого большого значения просто в силу эволюции не могли совпасть. Их надо рассматривать как результат общего синергического процесса. Очевидно, он был гораздо плотнее, чем об этом можно судить по рассмотренным его осколкам. Но важно сейчас одно: ведущей доминантой было тело. Живое, индивидуально независимое. Или мертвое, общественно обихожное и похороненное, на которое был направлен тот или иной обряд бессмертия. Это усопшее тело в конце концов минерализовалось, возвращаясь в силу метафизической инверсии к началу жизни. Погребения в земле знал еще человек, который не был даже современного вида.

На этом генеральном минералогическом фоне мысле-образы жизни, рассмотренные через растительные символы, скажем, через мировое древо, появившееся лишь в эпоху бронзы, выглядели

не очень приличными и даже греховными. Библейский плод с запретного древа, полученный непроцессуально, без труда, оказался потребительским насилием. Человечество десятками, если не сотнями тысяч лет, уже осваивало обработку земли («минералогизм»), в которой зародышем новой жизни был погребенный человек и погребенное семя. Недаром Н.И.Вавилов полагал, что на одомашнивание культурных растений могли уйти десятки тысячелетий. Через «минералогизм» (знание почвы, окрашивание себя, через представления о подспудных истоках жизни, включая представление о зародыше как твердой субстанции и т. д., эксперименты с посадкой растений) человечество освоило процессуально во времени прежде всего поверхность и глубины матери-земли. Одомашнено было то, что находилось под ногами. А бессмертие – вид этого одомашнения, необходимая максималистская модель линейного времени, сочетавшегося с максималистским сведением тела к площади его ступней – к точке. Гегель справедливо навал вертикальность человеческого тела «абсолютной антропологической позы». От этой позы, абсолютно остановившей время, до пластического циклического хозяйственного или локально-языческого времени было еще далеко.

Архетипически «твердой» точке тела, архетипически твердой пище и вообще твердой почве и твердому орудью изначально соответствовало архетипически «твердое» линейное бессмертное время. Его ритм только подчеркивал момент «отвердения» времени и его бесконечность. Таким образом, человек одомашнил в начале всего место для самого себя, рефлексивно очертив его в пространстве и во времени.

Миф же о творении Адама из земли предшествовал всем философским мифам. Но насколько это только миф, вопрос не очень ясный, коли в нем заключена философская логическая истина. Потому-то сотворенному из праха должны были поклониться ангелы, чистые энергетические сущности. Над этими сущностями встал питающийся человек с его утробной «низменной» онтологией.

Освоение абстрактных представлений о пространстве и времени для всей жизнедеятельности человека имело важное медицинское последствие: нарушение здоровья воспринималось как нарушение сбалансированной всеобщности у отдельного человека. Такая парадигма хорошо известна у многих архаических на-

родов – болезнь как избранничество в силу вины, ошибки и т. п. Избранничество духов считалось необходимой предпосылкой шаманской болезни. Исключительность болезни и особые меры по ее ликвидации сформировали в человеческом обществе первых профессионалов – врачей. Из-за разных методов и атрибутики в этнографической реальности они получили массу наименований. Корпус медицинских знаний далеко расширил знакомство человека с окружающей средой, подтягивая ее практическое освоение к теоретическому. «Минеральное» мировосприятие обогатилось дикорастущими растительными ресурсами, которые подверглись экспериментированию.

Итак, выясняется эвристический треугольник (в терминологии Г.П.Юрьева *трилемма*) с вершиной А и основаниями Б и В.

А. ТАБЛО КОНТИНУАЛЬНОСТИ

Б. ТОПОМЕНТАЛЬНЫЙ ЛОКУС («МИНЕРАЛОГИЗМ»)

В. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЕ

Вершины треугольника дали начало концепциям:

А. Концепция культурогенеза П.А.Флоренского, видевшего начало культуры в культе

Б. Развернутая здесь концепция рефлексивной доместикации пространственно-временных факторов земли («минералогизм»). Биотехнологический кластер, где бифуркация шла в обратном направлении к «прогрессу».

В. Давно существующая плоско-эволюционная концепция, исчерпавшая свой эвристический потенциал в отношении человека и его деятельности.

Можно ли в результате всего биотехнологию назвать адаптацией? А медицину? Наверяд ли, ибо речь идет о сотворении каждый раз заново виртуально-бытийной реальности.

Примечания

- ¹ Расширить горизонты (Беседа с чл.-кор. РАН Б.Г.Юдиным // Человек. 2006. № 5. С. 174–181.
- ² *Тищенко П.* Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001.
- ³ *Грейвс Р.* Мифы древней Греции. М., 1992. С. 22.
- ⁴ *Чеснов Я.В.* Экзистенции: пища // Философия и культура. 2008. № 11. С. 110–124.
- ⁵ *Чеснов Я.В.* Тибето-бирманские народы; он же: Тайские народы; он же: Мон-кхмерские народы // Мифы и религии мира / Сост. и ред. С.Ю.Неклюдов. М., 2004. С. 175–190; *Ревуненкова Е.В.* Народы Малайского архипелага // Там же. С. 190–195.
- ⁶ *Майков Л.Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1992. С. 107.
- ⁷ *Погодин А.Л.* Космические легенды балтийских народов // Живая старина. 1905. Вып. III–IV. 1895. С. 436.
- ⁸ *Левкиевская Е.Е.* Славянские народы // Мифы и религии мира. М., 2004. С. 241.
- ⁹ *Грейвс Р.* Указ. соч. С. 542.
- ¹⁰ *Завадская Т.И.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. М., 1975. С. 153.
- ¹¹ *Codrington R.H.* The Melanesian language. Oxford, 1885. P. 164–165.
- ¹² *Яковлев Н.Ф.* Грамматика кабардино-черкесского языка. М.–Л., 1948. С. 147–148.
- ¹³ *Санчурский Н.В.* Римские древности. М., 1995. С. 180, 196.
- ¹⁴ *Грейвс Р.* Указ. соч. С. 206–211.
- ¹⁵ *Грейвс Р.* Указ. соч.
- ¹⁶ *Мазалова Н.Е.* Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. С. 45.
- ¹⁷ *Мазалова Н.Е.* Указ. соч. С. 43.
- ¹⁸ *Мазалова Н.Е.* Указ. соч. С. 45.
- ¹⁹ *Мазалова Н.Е.* Указ. соч. С. 43–44.
- ²⁰ *Подорога В.* Эпоха CORPUS'? // *Нанси Ж.-Л.* Corpus. М., 1999. С. 204–205.
- ²¹ *Санчурский Н.В.* Указ. соч. С. 180.
- ²² *Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
- ²³ Выражение рассмотрено в: *Николаюк Н.* Библейское слово в нашей речи. СПб., 1998. С. 334–335.
- ²⁴ *Фрейденоберг О.М.* Поэтика сюжета. Л., 1936. С. 101.
- ²⁵ *Чеснов Я.В.* Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
- ²⁶ *Лосев А.Ф.* Гомер. М., 1960. С. 33.
- ²⁷ *Чеснов Я.В.* Человек – маска или марионетка // Человек. 2004. № 3.
- ²⁸ *Чеснов Я.В.* Ландшафт и мышление // Тр. членов РФО. Вып. 10. С. 145–152.